

30. Giustiniani A. Annali della Repubblica di Genova. Torino, 1537. Fol. 140; Lunardi G. Le monete delle colonie genovesi // Atti della società Ligure di storia Patria. Nuova serie. Genova, 1980. Vol. I. P. 102; Sturm J. Ein unbekanntes griechisches Idyll aus der Mitte des XV Jh. // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1901. Bd. X. S. 450-451.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 01-01-15050з

Александр Константинович МАТЮКОВ —
начальник отдела духовной культуры
этнографического музея
г. Ханты-Мансийска

УДК 930. 1

ИЗУЧЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ МЕДИЕВИСТИКИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена формированию теории Ренессанса в России в первой половине XIX в. Автор анализирует труды первых российских медиевистов – Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева.

This article is devoted to the problem of Renaissance concept developed by the Russian historical science in the first half of the 19th century. The author analyses the works by the first Russian medievalists T. N. Granovsky and P. N. Kudryavtsev.

Обращаясь к отечественным исследованиям эпохи Ренессанса, необходимо прежде всего проанализировать восприятие гуманистических идей русской интеллигенцией. Социальные отношения в России первой половины XIX в. характеризуются чрезвычайной напряженностью. Неизбежно в эти годы проводились исторические параллели с зарубежной историей, при этом особый интерес вызывали идеи эмансипации личности. Николай Васильевич Гоголь (1809-1852) читал в Санкт-Петербургском университете в 1834-1835 гг. курс лекций по истории Средних веков. В программе курса им было отмечено, что одновременное существование двух папских престолов «и раздоры от этого объемлют Европу и ослабляют всеобщее мнение. Университеты, алхимики и начало возрождающихся знаний быстро помогают тому и приготавливают Европу к всеобщему взрыву» [1]. Н.В. Гоголь эмоционально передал представления об атмосфере эпохи, косвенно выразив и свое стремление к свободе творчества. Мыслитель европейского масштаба, Александр Иванович Герцен (1812-1870), в 40-е гг. написал две работы, [2] в которых отчетливо показал свое понимание итальянского Возрождения и Реформации: «Наконец, после тысячелетнего беспокойного сна, человечество собрало новые силы на новый подвиг мысли; в XV веке пробуждаются иные требования, тянет утренним воздухом. Настала эпоха переделывания. Внимание людей обращалось все более и более на реальные предметы... В Италии всего ранее раздавались новые требования» [3]. А. И. Герцен большое внимание уделяет проблемам языка науки. Литературные метафоры его статей обусловлены отсутствием специальной терминологии — итальянское Возрождение как культурно-исторический процесс, как самостоятельная эпоха только начинает изучаться и в Европе, хотя, конечно, об истории Италии XIV — XVI вв. писали и раньше, а представление об особой эпохе заметно уже в работе Джорджо Вазари. Русский философ за несколько лет до выхода книги известного французского историка Жюль Мишле (1856 г. «La Renaissance»), с именем которого на западе связыва-

ют введение в научный оборот самого термина «Возрождение», обращается к проблеме освобождения сознания человека от «безжизненной формалистики» средневековья. Работы А. И. Герцена представляют большой интерес тем, что современность рассматривается им как время «пробуждения», эпохи сближаются по признаку обновления парадигмы мышления: «Мы живем на рубеже двух миров — оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее мирозерцание потрясены — но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плода... Между тем, всеобщее примирение в сфере мышления провозгласилось миру наукой» [4]. «Великое дело началось» [5]. Несомненно, различия есть, людьми XV в. «только открыта почва науки, ими только освобождена мысль» [6], но Герцен указывает сферу, в которой сближение представляется неформальным. Время «восстания против схоластики» драматично для людей всех эпох. «Многих удивляет шаткая непоследовательность их и мужественная воля, неполнота... их мысли и полнота самоотвержения; но разве можно сразу отделиться от исторических предрассудков?» [7] Не случайно он формирует образ двух эпох — прошлой, вобравшей в себя и Возрождение и Реформацию (в понимании нашего времени), и современной ему; у них есть общая черта: освобождение сознания человека. Необходимо отметить, что в России первой половины XIX в. были и иные представления об Италии XIV — XVI вв., интерес вызывали политические доктрины [8], искусство, литература. Исследователи говорят даже о продолжающемся воздействии идей Ренессанса на русское общество: «Пушкин сформировал национальное русское художественное сознание, ставшее последним великим выражением родившегося в Италии европейского гуманизма» [9].

Российское общество первой половины XIX в. посредством наиболее восприимчивой и образованной своей части создало образ Возрождения, соответствовавший радикальному общественному мнению в первую очередь (идеям западничества), поскольку глубоких исторических исследований в этом направлении не проводилось, но была потребность в осознании своего места в истории. Значение указанных представлений заключалось не в глубине выводов и обобщений, а в личности А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, имевших самое глубокое влияние на развитие творческой мысли в России.

Появление профессиональной отечественной литературы об итальянском Возрождении связано с именем Александра Николаевича Веселовского (1838-1906). Проработав продолжительное время в архивах Италии, русский ученый обнаружил и издал с обширным комментарием неизвестную ранее рукопись начала XV в. Причем было это сделано на итальянском языке в Болонье в 1866-1868 гг. А. И. Веселовский «и в последующие годы... неоднократно и подолгу возвращался к этой области прошлого, по которой он справедливо считался одним из первых специалистов в Европе» [10].

Очевидно, указанный факт послужил причиной того, что в некоторых историографических работах обзор российских исследований Ренессанса начинают с трудов А. Н. Веселовского [11]. В то же время ряд авторов [12] обращается к разработкам предшественников великого русского ученого, к трудам медиевистов Тимофея Николаевича Грановского (1813-1855) и Петра Николаевича Кудрявцева (1816-1858). В области филологии одним из первых называют Степана Петровича Шевырева [13] (1806-1864), историка русской словесности, критика и поэта. С. П. Шевырев учился в Московском университетском пансионе, некоторое время жил в Италии (1829-1832). В 1832 г., вернувшись в Москву, занял должность адъюнкта на кафедре истории русской словесности, не имея ученой степени. В 1833 г. он представил диссертацию «Дант и его век», опубликованную в «Ученых Записках Московского Университета» (1833-1834). Работа его обнаруживает начитанность в зарубежной дантовской литературе [14].

Т. Н. Грановский в 1835 г. закончил учебу на философско-юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и продолжил образование в Берлинском университете (1836-1837). С 1839 по 1855 гг. Т. Н. Грановский преподавал в Московском университете. Работ, посвященных непосредственно Италии XIV-XV вв., им опубликовано не было, но в некоторых лекциях по истории средневековья Т. Н. Грановский дал характеристику Италии этого периода, уделяя внимание культурным процессам и взглядам отдельных личностей, в особенности Макиавелли, который, как полагал ученый, «положил основание новым политическим идеям в Европе» [15]. На протяжении всей своей научной и преподавательской деятельности Грановский интересовался вопросами теории исторической науки. На методологию русского историка в период его становления повлияла философия Гегеля. Понимая стадии исторического развития как стадии развития духа, доказывая диалектическое сочетание необходимости и свободы в истории, Грановский создавал методологическую основу для историко-психологического осмысления противоречий переходных эпох, противоречий, обусловленных свободным творчеством духа человеческого и данных природою условий. Говоря о теории исторических исследований, ученый утверждал, что «новый метод должен возникнуть из внимательного изучения фактов мира духовного и природы в их взаимодействии» [16].

В современной литературе за Грановским признается отрицательное восприятие итальянского Возрождения [17]. Некоторые основания для этого есть: в «Божественной комедии» Данте русский историк видел дисгармонию, происшедшую от внутренней борьбы «в самом поэте» [18]. В «Декамероне» Бокаччо он под художественной формой раскрыл «разрушительное направление» [19]. Но, важно отметить, что в целом разрушительные тенденции Возрождения не воспринимались негативно в середине XIX в. (западниками), потому что понимались как явления, освобождающие личность.

Другом и учеником Т. Н. Грановского был П. Н. Кудрявцев, читавший в Московском университете курс всеобщей истории. П. М. Кудрявцев дал характеристику эпохи итальянского Возрождения, употребляя термин с маленькой буквы, за несколько лет до выхода известной книга Ж. Мишле. Возрождение понималось русским историком как «начало переворота», как одно из «величайших исторических событий» [20]. Хронологические рамки эпохи — вторая половина XIV-XVI вв. В происшедшем процессе ученый различал два главных элемента — элемент античный и элемент религиозный. Кудрявцев, как и А. И. Герцен, отчетливо видел связь Возрождения и Реформации: эпоха Возрождения предшествует Реформации не только по времени; изучая Реформацию, «мы должны распространять свои наблюдения и на Италию или даже начать с нее» [21]. В области методологии Кудрявцев развивал идеи Т. Н. Грановского, обращаясь к категории сознания человека и определяя сознание как сферу исторических переворотов. В нем «есть свои огромные размеры, хотя и совершенно скрытые от внешнего взора. Тот новый мир, который еще в древности начинается в сознании Сократа, долгое время, может быть, ограничивался его собственной личностью: это был мир, в основании которого лежала новая потребность сознательной отчетливости» [22].

Размышляя о причинах Ренессанса, Кудрявцев предвосхитил идею «полицентризма» [23], описав условия расцвета ренессансной культуры: «множество больших самостоятельных городов, их довольство, благосостояние. Множество отдельных владетельных домов, из которых каждый содержал особый придворный штат и любил окружать себя литературными талантами и знаменитостями» [24].

В небольшой лекции, развивая исследовательские приемы, ученый делает попытку объяснить сущность итальянского Возрождения. Кроме лекций Кудрявцев написал две статьи [25] по материалам истории Италии XIII-XIV вв. В работе «Дант, его век и жизнь» автор обращался к истокам итальянского Возрождения, объясняя

появление «новой» поэзии. В отечественной литературе оригинальность трудов Кудрявцева ставилась под сомнение; считалось, что «статья «Дант, его век и жизнь» написана главным образом по Вегеле (*Dantes Leben und Werke*, 1852) и Фориэлю (*Dante et les origines de la langue et litterature italienne*, 1854)» [26].

В. П. Бузескул не учел приемов исследования П. Н. Кудрявцева и интереса ученого к теории происходившего в Италии процесса. В. И. Рутенбург отмечал, что указанные статьи основаны, главным образом, на изучении литературы, но в то же время «они являются не только свидетельством огромной эрудиции автора, но и разъясняют некоторые существенные черты этого периода итальянской истории» [27].

Если рассматривать работу в методологическом плане, здесь следует обратить внимание на интуитивизм и психологизм исследовательского поиска Кудрявцева, на первую в отечественной историографии попытку через психологию человека показать начало «переворота», начало значительных перемен в сознании народов Европы.

Основной источник, на который ссылается П. Н. Кудрявцев — «*Vita nuova*» («Новая жизнь») Данте. Главный мотив развития личности поэта — любовь его к Беатриче. Сюжет любви Данте Алигьери получил у русского ученого необычную интерпретацию: «Беатриче была не только самой яркой звездой его юности, но и возбудительницей его к «новой жизни»... Он был как полный сосуд, принявший в себя всю полноту нового в европейском развитии чувства» [28]. Особенность его сознания, полагал Кудрявцев, обусловлена особой чувствительностью, которая в Данте имела самое раннее и преждевременное проявление, принадлежа своим полным раскрытием более позднему периоду истории Европы. Несмотря на выход переживаний в поэзию, «в душе поэта всегда оставался достаточный запас одного чувства, чтоб не было полной свободы для других». Любовь поэта мало разнообразилась внешними переменами, и состояние его носило «особенный характер, редко встречающийся в этой ранней эпохе» [29].

Метод Кудрявцева можно определить как психологизирующий, что по уровню мышления не только не уступало европейским тенденциям историографии того времени, но даже опережало их. В статье сопоставляются представления исследователя о психологии поэта, о его мировосприятии с историческими фактами, выступающими в роли внешнего импульса, вытекающего из культурного обмена Италии и Франции: «В Италии глубоко пали науки и искусства; Франция не избежала того же бича, но, под влиянием особенных обстоятельств, на юге ее через несколько времени созрел новый и весьма оригинальный цвет образованности. Весьма естественно, что теперь Италия, в свою очередь, позаимствовалась от Франции плодами ее ранней образованности» [30]. Речь идет в первую очередь о поэзии. Провансальское искусство «внесло в итальянскую жизнь много новых понятий, произвело в итальянской мысли новое движение, отразившееся и на самом языке народа» [31]. Следующий фактор, анализируемый русским историком — сохранение памяти о прошлом в сознании итальянского народа. Позднее понимание непрерывности традиций, ведущих свое начало от древнего Рима, станет важной частью концепции Ренессанса А. К. Веселовского, слушавшего лекции П. Н. Кудрявцева. Понимая мышление Данте как движение в сторону осознанной потребности рационального объяснения «для всех человеческих действий», Кудрявцев не противопоставляет его творчество поэтической и философской мысли рубежа XIII-XIV вв. В его характеристике итальянской поэзии отмечается присутствие повышенного интереса к символизму, мистике, философии: когда создавались поэтические образы, обдумывались и философские теории, «нередко и те и другие менялись между собою в произведениях одного и того же писателя» [32]. Таким образом, реконструируя взгляды П. Н. Кудрявцева, можно предположить, что итальянская поэзия стала той средой, в которой сформировался Данте как мыслитель. П. Н. Кудрявцев не дал законченной формулировки

концепции итальянского Возрождения, но в своих небольших по объему работах объяснил некоторые существенные черты эпохи, задал направление в исследовании проблем Ренессанса, которое было развито впоследствии. Наследие ученого представляется в наше время довольно противоречиво. М. Л. Андреевым идеи П. Н. Кудрявцева показаны как негативное восприятие Возрождения [33]. В этой связи необходимо уточнить: Кудрявцев негативно воспринимал нравы римской курии и говорил, что на имеющейся основе не могло возродиться никаких добрых начал для нового времени; изначально причину негативных явлений он видел в существовавших до XIII в. порядках, нравах. И в то же время переворот в сознании человека воспринимался ученым в качестве естественного процесса развития человечества, что нельзя истолковать как отрицание итальянского Возрождения.

Для периода формирования российской школы медиевистики характерно следующее: с одной стороны, наблюдается взаимопроникновение идей общественной мысли и научной, с другой — тесная связь русской интеллигенции с европейской наукой: Грановский получил образование в Германии, учился у Ранке, ученика Гегеля Ганса. Герцен дружил с известным французским историком Ж. Мишле. В эти годы формировалась методология изучения истории, наблюдается преемственность взглядов у Грановского и его ученика Кудрявцева. В области исследования итальянского Возрождения обозначилась основная тема — освобождение сознания средневекового человека, но в то же время законченной концепции Ренессанса создано не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Программа университетских лекций по истории Средних веков // Гоголь Н. В. Собр. соч. в 9 т. М., 1994. Т. 8. С. 83.
2. Герцен А. И. Дилетантизм в науке // Собр. соч. в 8 т. М., 1975. Т. 8. С. 5-86; Его же. Письма об изучении природы // Там же. С. 221-222.
3. Герцен А. И. Письма... С. 221-222.
4. Герцен А. И. Дилетантизм... С. 5.
5. Там же. С. 40.
6. Герцен А. И. Письма... С. 224.
7. Там же. С. 224.
8. См.: Юсим М. А. Макиавелли в России: Мораль и политика на протяжении пяти столетий: Дис. ... д-ра и. н. М., 1994. 377с.
9. Хлодовский Р. И. Гольдони, Дидро и Пушкин // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. М., 1997. С. 254.
10. Жирмунский В. М. А. Н. Веселовский (1838-1906) // Веселовский А.Н. Избр. статьи. Л., 1939. С. XI.
11. См.: Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV-XVI веков. М., 1963. 415 с.; Брагина Л. М. Итальянский гуманизм: Этические учения XV-XVI вв. М., 1977. 175 с.
12. Гуковский М. А. Итальянское Возрождение в трудах русских ученых XIX века // ВИ. М., 1945. № 5-6. С. 97-118; Рутенбург В.И. История средневековой Италии в трудах русских ученых XIX – нач. XX в. // СВ. Вып. 25. 1964. С. 264-271; Скворцова Т. Н. Изучение проблем итальянского Ренессанса в период становления отечественной науки о Возрождении: Дис. ... к. и. н. Воронеж, 1992. 252 с.
13. См.: Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 460-461.
14. Там же. С. 460.
15. Грановский Т. Н. Лекции 1849/50 г. // Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 57.
16. Грановский Т. Н. О современном состоянии и значении Всеобщей истории // Каменский З.А. Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988. С. 179.
17. Андреев В. А. Культура Возрождения // История мировой культуры. Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение. М., 1998. С. 320.

18. Грановский Т. Н. Лекции 1849/50 г. С. 54.
19. Там же. С. 54.
20. Кудрявцев П. Н. Вступительная лекция в новую историю. Лекции 1848/49 гг. // Лекции. Соч. Избр. М., 1991. С. 7.
21. Там же. С. 11.
22. Там же. С. 8.
23. См.: Петров М. Т. Итальянский полицентризм и культура XIII-XVI вв. // Городская культура Средневековья и начало Нового Времени. Л., 1986. С. 43-51.
24. Кудрявцев П. Н. Лекции 1848/49 гг. С. 16.
25. Кудрявцев П. Н. Дант, его век и жизнь // Соч. в 3 т. М., 1887. Т. 1. С. 413-544; Его же. Юность Екатерины Медичи // Там же. Т. 2. С. 452-539. (Впервые статьи были опубликованы в 1855-1856 гг.).
26. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века. Л., 1929. С. 71.
27. Рутенбург В. И. История средневековой Италии в трудах русских ученых XIX – нач. XX в. С. 265.
28. Кудрявцев П. Н. Дант... С. 504.
29. Там же. С. 504.
30. Там же. С. 470.
31. Там же. С. 470-471.
32. Там же. С. 505.
33. Андреев М. Л. Культура Возрождения // История мировой культуры. Наследие запада: Античность. Средние века. Возрождение. М., 1998. С. 319-411.

Валерий Михайлович КРУЖИНОВ —
доцент кафедры отечественной истории
факультета истории
и политических наук,
доктор исторических наук

УДК 947.084(021)

**В ПРЕДДВЕРИИ
 «КОММУНИСТИЧЕСКОГО ЗВЕЗДОПАДА»:
 РЕПРЕССИИ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ
 ВНУТРИПАРТИЙНЫХ ГРУППИРОВОК НА УРАЛЕ
 В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ**

АННОТАЦИЯ. Первые репрессии против «старой большевистской гвардии» начинаются при жизни В. И. Ленина.

The first wave of repressions against «old bolshevik army» started at the time V. I. Lenin.

«Ошеломляющим звездопадом на коммунистическом небосводе» [1], назвал видный меньшевик-эмигрант Ст. Иванович массовые перетасовки большевистских кадров, сопровождавшие каждую вспышку внутрипартийных конфликтов в 1920-е гг. Хотя сегодня справедливость этих слов не вызывает сомнений, они в большей мере ассоциируются с эпохой И. В. Сталина и трагическим судьбами поверженных им других большевистских вождей – Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева или Н. И. Бухарина. Между тем преследования и репрессии за инакомыслие в партии, в